

ИНТЕРВЬЮ ДАНИЛЫ БУЛАТОВА С ЕЛЕНОЙ АРТЕМЕНКО И ИЛЬЕЙ МАРТЫНОВЫМ

Данила Булатов: Расскажите, как сказались на ваших планах полномасштабное вторжение России в Украину?

Елена Артеменко: Мы были в ужасе, конечно. Я на тот момент готовила выставку в музее Сидура. Договоренность провести выставку была еще в начале 2021 года, открытие было запланировано на 15 марта 2022. Это был важный для меня проект, я работала над ним три года и 2 марта я узнала, что открытие не состоится. Мне запомнилось дата, потому что 4 марта приняли закон о фейках, и я тогда подумала, что директор Музея Сидура, включив цензуру, работает на опережение. Объяснения были довольно лицемерными: меня уверяли, что это не цензура, просто непонятно, как теперь работать, поэтому предварительно давайте перенесем выставку на полгода, когда атмосфера разрядится, а там посмотрим. Я сразу написала друзьям, работающим в выставочном отделе ММСИ, и мне честно сказали, что да, это цензура, и проблема даже не в проекте, а в тексте к нему.

Д.Б.: Что же такого было в этом тексте, и о чем вообще был проект?

Е.А.: Идея проекта у меня родилась еще в 2019 году, когда в Москве были протесты из-за недопуска кандидатов на выборы в Мосгордуму. Тогда был какой-то сильный энтузиазм, людей начали винтить, но еще не так сильно, как в 2021, когда арестовали Навального... Вообще любопытно, как с повышением градуса насилия меняется наше отношение к нему, и сейчас аресты 2019 года воспринимаются как лайт-версия того, что было потом. Потому что еще не было истории с Беларусью, когда людей жестко избивали, держали в спецприемнике на Окрестина. В общем, в тот момент мне попала статья, где задержанные на митингах люди описывали свои ощущения от побоев полицией. Там были сравнения с куском мяса, которое бьют, с мешком с костями. А один человек сказал, что его скрутили как кусок поролона. И у меня в голове застряло это сравнение, потому что если человек подсознательно сравнивает себя с поролоном, то, значит, как его не

будут крутить, он потом разогнётся, вернется в свою прежнюю форму. Для меня тогда это сравнение стало метафорой того, что в тот момент, в 2019 году, люди еще не боялись насилия, потому что они абсолютно были уверены в своей правоте и знали, что разогнутся.

Д.Б.: Мне немного странно, что ты говоришь, потому что для меня история безопасного мирного протеста закончилась с «Болотным делом». Уже тогда стало ясно, что власть может всё...

Илья Мартынов: И тем не менее в 2019 году люди активно протестовали, мы ходили на все эти митинги, и я даже помню, как на одном из митингов выступала группа "Кровосток", на проспекте Сахарова стояла сцена...

Е.А.: Сейчас это совершенно невообразимо звучит. В общем, тогда возникла эта метафора с поролоном как символом внутренней несломленности. С одной стороны, ты мягкий, безоружный, но в тебе есть эта сила распрямиться. Я начала делать скульптуры, повторяя в мраморе форму скрученных кусков поролона. Время шло, и в начале 2021 года, когда снова начались протесты, разгоны были уже куда жестче. наших друзей арестовывали, кого-то посадили на 15 суток. И это был настоящий шок. После этого люди перестали выходить на митинги. Я продолжала работать над проектом и увидела, что он отражает постепенную потерю сопротивления материала – «поролон» в результате постоянной насильственной деформации перестает распрямляться и застывает в согнутом положении.

В конце 2021 года к этим скульптурам добавилась мраморная табличка "cmd+z does not work" – про невозможность сделать шаг назад, воспользовавшись этим волшебным сочетанием клавиш. Мне показалось, что достигнута точка невозврата, и мы уже не можем вернуться в прежнее состояние, мы окаменели. Таков был общий смысл моего текста, который я написала для выставки в Музее Сидура.

Д.Б.: И особенно надпись про «command Z» стала звучать зловеще и актуально...

Е.А.: Именно! Для меня был чрезвычайно важен сопроводительный текст к выставке, потому что работы довольно абстрактные, но,

когда ты читаешь текст, ты считаешь отсылку к образу скрученного тела.

Д.Б.: В общем на фоне начавшейся войны в Музее Сидура не решились открыть твою выставку?

Е.А.: Да, при том, что уже всё было утверждено, была сделана афиша, подиумы, назначена дата монтажа. Когда мне сказали, что выставку решили перенести на осень, я сразу поняла, что выставки не будет вообще, и показать этот проект в самом начале войны - последняя возможность, потом будет жесткая цензура. Так и произошло.

Д.Б.: Да, конечно, очень обидно, что выставка не состоялась, тем более что, действительно, в первое время после вторжения ещё не был так чётко очерчен круг допустимого, была возможность если и не напрямую выступить против войны, то призывать к миру и всё такое.

Е.А.: Совершенно верно. Культурные работники подписывали антивоенные письма. И все ждали, что, может быть, музеи выступят как такие рупоры культурных деятелей, что кто-то из директоров музеев скажет что-то. Сейчас подобные ожидания кажутся очень наивными.

Д.Б.: В итоге в сентябре 2022 года у вас с Ильей открылась совместная выставка «Фоновый шум» в галерее «Электрозавод». Там были представлены и твои «поролоновые» работы, и табличка с “cmd+z”. Илья, расскажи, пожалуйста, про свою часть проекта. В анонсе выставки есть слова о необходимости говорить «о текущей социальной и политической катастрофе, уходя от буквального, плакатного её отображения». Как ты решил эту задачу?

И.М.: Речь идет про экстремальную ситуацию, с которой никто из нас раньше не сталкивался. Это действительно большой вопрос, как говорить о том, что с нами сегодня происходит. Мне хотелось найти какую-то образную систему, которая позволила бы внятно и в то же время не плакатно говорить о войне и смерти.

Д.Б.: Мне кажется, что твои картины с деформированными лошадиными тушами — это как раз очень понятное, но в то же время совсем не прямолинейное высказывание. Как я

понимаю, ты изобразил погибших лошадей, основываясь на архивных фотографиях времен Первой мировой войны?

И.М.: Да, в основе работ были фотографии. Мне хотелось передать ощущение от скопления этих тел, от самой подневольности этих лошадей, выразить это страшное стремление людей всех подчинить себе, как-то принудить, отправить на убой... Проводя параллель с ценностью человеческой жизни. В Первой мировой войне участвовало огромное количество лошадей, и почти 8 миллионов из них были убиты, это всё, как говорится, побочные, неучтенные жертвы.

<https://imartynov.cargo.site/Background-Noise-joint-project-with-Elena-Artemenko>

Д.Б.: Расскажите теперь про ваши перемещения. Как вы оказались в Швейцарии, а теперь во Франции?

И.М.: Сначала мы уехали в Казахстан, и думали поработать там, Лена стала гуглить мраморные карьеры в Казахстане. Но не сложилось, в том числе из-за ограничений по времени пребывания без ВНЖ. Еще до войны мы получили приглашение от фонда Pro Helvetia в резиденцию в Швейцарии, и мы переехали в Узбекистан, где начали оформлять визу в Европу. Чтоб не делать туристическую визу на три месяца (только такой вариант был возможен в Швейцарии), мы обратились к организации Artists in Exile, которые помогли нам сделать французскую визу длительного пребывания.

Е.А.: У меня поначалу была уверенность, что я должна оставаться в России и делать своё искусство здесь. Россия развязала войну, и если я против войны, то моё высказывание должно доходить до российской аудитории. Во многих в семьях начали происходить расколы, и в моей в том числе. Я звоню моей бабушкой, которой 85 лет; ее муж, мой дед, был украинцем (поэтому у меня украинская фамилия). И вдруг моя бабушка начинает рассказывать мне о нацистах в Украине и говорить со мной языком пропаганды. Я поняла, что до этого никогда не говорила о политике со своими родственниками, не знаю их позиции. И что все ценности, которые мы вроде как транслировали своим искусством, на самом деле транслировались внутри нашего сообщества исключительно самим себе. И что моей аудиторией всегда были люди, разделяющие мои

взгляды, а вообще-то надо было делать проекты для аудитории, которая не разделяет мою точку зрения...

И.М.: Получается такая игра в одни ворота. Мы были словно в некоем пузыре, где все друг друга поддерживают, друг с другом солидарны.

Е.А.: Да. Также оказалось, – и это было шоком для меня, – что огромное количество людей в сфере культуры, в том числе среди моих знакомых, согласны с тем, что можно решать вопросы, убивая других людей, что они считают нормальным насилие в самом чудовищном виде, и даже готовы идти добровольцами на войну. И попытки переубедить кого-то вызывали только отчаяние. В общем, когда объявили мобилизацию, когда я почувствовала опасность не за себя, а за Илью и нашу дочь, и мы уехали. Но я была уверена, что мы вернёмся. Я свозила в мастерскую скульптуры и наши любимые вещи, чтобы, когда мы вернемся, мы бы распаковали всю нашу старую жизнь, сняли бы опять квартиру и жили бы, как раньше.

Д.Б.: И так всё в мастерской и хранится?

Е.А.: Хранилось. Быстро стало понятно, что мы не сможем вернуться, особенно после того, как мы сделали несколько антивоенных проектов в Европе, и ехать в Россию очень рискованно, потому что я открыто выступаю против войны во всех соцсетях, а за это могут посадить.

Д.Б.: Ну, тем более у тебя маленькая дочка, даже 15 суток не очень хотелось бы получить.

Е.А.: Да, в общем я уже решила распрощаться со своей старой жизнью и со всеми старыми работами, включая мрамор – что-то было выкинуто, что-то забрали домой друзья.

Д.Б.: Очень грустно это конечно слышать. С другой стороны, даже если что-то из старых работ надо будет выставить в Европе, придется заново их создавать – ведь не очень понятно, как сейчас можно будет что-то вывезти из России. Скажи, а «Фонтан» тоже был уничтожен?

Е.А.: Да, тоже. С «Фонтаном» кстати была интересная история. Эта инсталляция - отсылка к фонтану «Дружба народов», только вместо фигур – деформированные автоматы Калашникова из воска, а вода - черная, как нефть ...

<http://artemenko.net/fountain1.html>

Еще до войны я подала этот проект на премию *Arte Laguna* в Венеции, он прошел в финал, и в марте 2023 он должен был быть показан на выставке финалистов. Во время общего зума с участниками выставки я решила обсудить с организаторами, как мне вывезти из России эту инсталляцию, ведь на границе автоматы точно вызовут вопросы, логистика очень сложная, всё дорого, самолёты из России не летают, мне могут не сделать визу и т.д. При этом очевидно, что было бы очень здорово получить возможность показать такой антивоенный проект в начале 2023 года от лица русского художника. И тут слово берет, украинская художница, чей проект также прошел в финал премии, и, обращаясь к организаторам, говорит примерно следующее: «Уважаемые организаторы, я хочу обсудить такой момент. В вашей выставке участвуют русские художники. Но мы, украинские художники, солидарны в том, что русские художники не имеют право сейчас участвовать в каких-либо больших выставках, потому что их страна вторглась в нашу страну. И вот художница жалуется на то, что небо закрыто, что у неё какие-то проблемы с визой; простите, но я нахожусь в Киеве, и этой ночью было два прилета, и мне просто дико это слушать». В итоге я решила не участвовать в выставке.

Для меня вообще это очень важный вопрос, как воспринимаются со стороны наши антивоенные высказывания, сделанные здесь, за границей. Я часто слышу мнение, что, мол, если вы, художники, действительно против войны, то возвращайтесь в Россию, делайте антивоенные высказывания там и добивайтесь смены режима. И это понятная претензия. Другой вопрос – не воспринимается ли то, что мы делаем за границей, как спекуляция на теме войны?

Д.Б.: Мне кажется, что российские художники прорабатывают свою собственную травму, и имеют на это право. В любом случае такие проекты нужно обязательно делать, потому что в итоге во многом именно искусство будет служить наведению мостов после войны.

Е.А.: Да, потому что, когда война закончится, то возникнет вопрос, «где вы, художники, были все эти годы войны»? Где и с кем выставлялись? Молчали или говорили?

Д.Б.: В швейцарской резиденции Nairs Foundazion каждый из вас сделал по выставке. Илья, о чем был твой проект “Childhood during the War”?

И.М.: Он родился очень быстро, буквально за две или три недели. Знаешь, когда ты художник и какое-то время скитаешься, то у тебя начинается ломка, как у спортсмена, который резко прерывает тренировки. К тому же было невыразимое желание выразить свои ощущения от происходящего. Мы очень много обсуждали, как можно говорить об этом, и пришли к тому, что мы можем говорить только о собственном опыте. Это и стало темой моей работы – ведь мы эмигрировали с трехмесячной дочкой, Кирой, и каждые два месяца куда-то переезжаем. Безусловно, это всё отражается на ней. Как и весь контекст, когда родители постоянно в каком-то ужасе читают новости. Возникает вопрос, как растить в таких условиях маленького человека, как несмотря на всё это сделать его счастливым и свободным?

Е.А.: Помимо живописи там еще был небольшой объект: подиум, на котором лежит уголь и резиновая уточка. Внутри - колонка с аудио, как Кира гулит и стучит по какой-то деревяшке. Звучало так, будто она стучит изнутри этого короба и пытается вылезти. Думаю, это довольно точная метафора, как мы все физически заперты в контексте войны.

Д.Б.: Мне тоже кажется, что работы Ильи очень своевременны. Вообще это сильное сочетание такой аляповатой эстетики детских рисунков и жутковатых образов – скелета, призрака, боевых вертолётов... Но ты тоже провела там свою выставку?

Е.А.: Да, я назвала ее “Hide and seek”. Гуляя вокруг резиденции, я нашла несколько белых и черных кусков мрамора, оставшихся, видимо, после реставрации зданий. Эти куски будто сами подсказали мне сделать работу “Black and White”, – еще одно высказывание на тему пропаганды, которая в буквальном смысле называет черное былым и выдает ложь за правду. Меня реально потрясло, как съёмки разрушенного российской армией Мариуполя на Первом канале использовали в качестве доказательства того, что город разрушили ВСУ.

Д.Б.: Да, это удивительно, я вообще не понимаю, как это работает.

Е.А.: Ещё я сделала табличку с надписью It is his[our]story. Условно говоря, «его» история становится «нашей» историей. Тут скрыты три позиции. Одна про взгляд на историю с дистанции: мы вне политики, войны шли всегда, такова история («It is history»), но что поделать, надо же как-то жить. Другая позиция: эта история и ответственность того, кто начал войну («It is his story»). Третья позиция, которой я придерживаюсь, «It is his[our]story», что это наша общая история, за которую мы все несем ответственность.

Д.Б.: Само название твоей выставки отсылает к детской игре, он фактически продолжал проект Ильи?

Е.А.: Отчасти. Когда у тебя появляется ребёнок, ты начинаешь автоматически воспроизводить колыбельные, стишки и считалки из своего детства, и задумываешься об их смысле. Считалка для игры в прятки: «Раз, два, три, четыре, пять, я иду тебя искать, кто не спрятался, я не виноват». Я вдруг осознала, что последние слова этой считалки, «кто не спрятался, я не виноват», – это про перекладывание ответственности на жертву и оправдание любых своих последующих действий. И вся игра в прятки предстает как метафора войны, особенно «войны» российской армии с мирным населением в Украине, прячущимся в подвалах. Происходит снятие с себя чувства вины и ответственности за эти убийства: раз вы не спрятались, то мы не виноваты.

<http://artemenko.net/hideandseek1.html>

В этой инсталляции были и другие объекты – камушки, на которых углем были написаны буквы, составлявшие алфавит из которых были выложены слова: war, guilt, rain... На заднем дворе я нашла сожженные паллеты и сложила из них что-то вроде детского шалаша. Вообще эта выставка сложилась буквально за два дня из вещей вокруг.

Д.Б.: Я еще вижу на фотографии какой-то шкафчик–гробик...

Е.А.: Да, у нас, видимо, у всех одинаково деформированное восприятие. Когда я увидела этот деревянный ящик в подсобке, у меня тоже сразу возникла ассоциация с детским гробиком. Внутри лежала колонка, из которой доносились звуки колыбельной.

Д.Б.: Скажите, а кто был вашим зрителем? И как отнеслась резиденция к вашим проектам?

И.М.: Поскольку эти выставки проходили в резиденции, то главным образом ее сотрудники и художников, которые жили параллельно с нами. Кроме того, был день открытый дверей, на который приходили жители города Скуоль. Честно говоря, нам достаточно было этой аудитории, ведь это была первая возможность в открытую сделать проект про войну.

Е.А.: Что касается самой резиденции, то произошла странная история, связанная с моей выставкой. Каждый месяц резиденция организывает званые ужины с кинопоказами, это коммерческие мероприятия. По традиции ужин проходит в том помещении, где была моя выставка "Hide and Seek". Администрации нравилась выставка, но и нарушать традицию они не хотели, и решили провести ужин прямо внутри моей инсталляции. Их не смутило, что люди должны будут ужинать рядом с эти детским гробиком или с кучкой камней, на которых нарисованы черепа (отсылка «Апофеозу войны» Верещагина). Вначале я хотела демонтировать выставку, но потом подумала, что это будет прекрасная метафора пира во время чумы. В голову пришла мысль сделать интервенцию - положить камушки-алфавит на столы и выложить слова war, guilt, rain прямо рядом с тарелками.

Д.Б.: И какая была реакция?

Е.А.: Никакой. Пришло 20 человек, официанты разносят суп, гости пьют вино, рядом с бокалами лежат «rain», «war», «guilt», и никто не задает ни единого вопроса ни о камушках на столах, ни о инсталляции в целом. Я начинаю фотографировать для документации, но чувствую, гости недовольны, что я делаю это без спроса. Решаюсь спросить разрешения и заодно рассказываю про инсталляцию, войну в Украине и почему рядом с их тарелками выложены слова. «Wow, it's so interesting! Very impressive!» Ужин продолжился как ни в чем не бывало.

Д.Б.: Ты очень смелая, конечно. Хотя я не уверен, что это какая-то именно швейцарская черта – закрывать глаза на трагедию, оберегая свой душевный покой. То же самое и в Москве можно наблюдать, да и где угодно. После Скуоля вы отправились в резиденцию в Люцерн, там совместно сделали большую инсталляцию. Что это было?

Е.А.: В Люцерне мы сделали инсталляцию “Red Bath”. Резиденция Neubad, куда мы приехали, – это что-то вроде ДК, который расположен в здании бывшего бассейна. Это место с потрясающей акустикой, и я решила продолжить работать с колыбельными, которые стали важной частью моей жизни, ведь каждый день я пою их своей дочери. А еще каждый день я читаю новости об этой кровавой и бессмысленной войне, развязанной моей страной, и о количестве убитых в ней. И у всех этих людей, которые сейчас на войне, есть матери, которые им пели колыбельные и воспитывали их явно для чего-то другого. А теперь эти жизни обрывается за секунду ради иллюзорных целей и чужих амбиций.

В общем, я записала около 20 голосов женщин, поющих колыбельные на разных языках. Хотелось создать инсталляцию, в которой бы голоса матерей как бы убаюкивали агрессию и ненависть.

Илья создал страшный, агрессивный, нагнетающий ужас звук. Мы синхронизировали его с красным светом, который заполнял бассейн, и зрители оказывали в такой гигантской «кровавой» ванне. Когда звук и свет достигали своей максимальной интенсивности, из других колонок раздавалось нежное женское пение, которое постепенно умирало и свет, и звук. И пространство бассейна постепенно превращалось в тёмную утробу, наполненную ласковыми голосами, поющими тебе колыбельные. Но потом начинался новый цикл противостояния света, звука и пения.

<https://vimeo.com/844992898>

Д.Б.: Илья, ты буквально летом этого года закончил Школу Родченко. Там все делают вид, что ничего не происходит? Мне сложно представить себе такую позицию в контексте современного искусства.

И.М.: Со Школой Родченко связана отдельная история, как моя дипломная видео работа подверглась цензуре и не приняла участие в выставке дипломных проектов. При этом саму выставку нигде не анонсировали, сделав её максимально незаметной. Сейчас на сайте школы в качестве дипломной работы значится живописный проект с лошадиными тушами, но вообще-то моим дипломом был фильм «Сказ о мета Стасе», иронизирующий над российской пропагандистской машиной.

<https://vimeo.com/845232645/d99aceefac>

Д.Б.: Ого, расскажи поподробнее! Но ты ведь уже был не в России, как ты защищался?

И.М.: Да, это был июнь 2023, и я защищался онлайн. А фильм снимался полгода, сначала в Узбекистане, частично во Франции, потом в Швейцарии. Я довольно много труда в него вложил, плюс для меня он был важен как фиксация нашей «кочевой» жизни и маркером времени. А история с его цензурой еще ярче стала этим маркером. Ближе к монтажу выставки со мной связался мой дипломный руководитель Сергей Братков и говорит, что ему позвонили директора школы и сказали, что фильм на выставке показывать нельзя, потому что, как им кажется, что в фильме не хватает духовности... И рекомендовали сделать дипломную работу на другую тему.

Д.Б.: Ничего себе! Прямо слово «духовность» звучало?!

И.М.: Да, да! Сергей сначала смеялся, сказал, что я, значит, попал в нужный нерв. Насколько я знаю, в школе еще не было ситуации, что диплом может быть не допущен или отменен из-за темы или технических проблем, поэтому мне выделили зал на выставке и всё было подготовлено к его показу.

Но буквально за неделю до начала монтажа директора школы категорично заявили Браткову, что выступают против показа моего фильма на выставке. Но, и как в случае с выставкой Лены в Музее Сидура, факт цензуры, конечно, признавать никто не хотел. Со мной не разговаривали напрямую, а передали свое решение через Сергея, что добавляло ощущение, что ничего нормального не происходит. Выставка проходила в фонде «Екатерина», и все работы предварительно отсматривались еще фондом. В общем, у дипломов была двойная цензура, при том, что о выставке узнать было невозможно, афиш не было, и попасть на выставку без предварительной записи тоже было нельзя.

Д.Б.: Ну то есть еще одна традиция в этом году была нарушена. Ведь в прошлом году выставка дипломных проектов была открыта для публики?

И.М.: В прошлом году все было нормально, а в этом году она прошла закрытом режиме. В итоге Сергей предложил мне выставить мои работы с лошадьми, и мы так и поступили. Но я всё-таки настоял, чтобы я мог защитить и этот фильм тоже. Пусть он не будет демонстрироваться на выставке, но хотя бы будет показан на

защите. На защите студенты и профессора частично присутствовали в Фонде «Екатерина», частично в зуме. Кроме преподавателей и студентов никому на защиту прийти было нельзя. Когда настал мой черед, директора попросили всех студентов, кто присутствовал лично, выйти как из зала, так и из зума, кто отказывался выйти из зума, того просто выкидывали. Лена настояла, что она останется в зуме, так как является одним из операторов работы. И в этой таинственной обстановке оставшимся преподавателям показали фильм кусочками не более 2 минут, хотя у фильма хронометраж 10. На мой вопрос, что это было, ответ был, что все всё уже видели, а кто не видел – потом посмотрит. Я иронично предложил вообще не показывать фильм, а пересказывать его каждому устно.

Е.А.: Тут я тоже не выдержала, потому что я люблю школу, это моя alma mater, и была в ужасе от происходящего. Я сказала, что прекрасно понимаю, почему фильм не был показан на выставке, но зачем заставлять студентов выйти из зала и из зума? Мне ответили, что это для, чтобы сохранить школу. Позже мне в частном порядке написали преподаватели и объяснили, что кто-то пишет анонимные доносы на школу, и есть подозрение, что это кто-то из студентов.

И.М.: Был случай, что из-за доноса закрыли одну из студенческих выставок. То есть аргумент, что все опасаются за сохранность школы, а потому смиряются с подобной формой самоцензуры, всех устраивал и не вызывал вопросов. Жалею, что не успел спросить, зачем вообще нужна такая школа современного искусства, если там боятся показывать работы студентов, зачем ее в таком виде сохранять?

Д.Б.: Но это был единичный случай?

И.М.: Нет, еще с одной работой поступили так же. Я не хочу демонизировать школу, так как до этого критическая позиция студентов чаще поддерживалась и, как мне казалось, была важной составляющей. Моё недоумение вызвано этим желанием перестраховаться, «как бы чего не случилось». Я действительно тогда не понимаю, зачем нужны такие беззубые художественные институции. Или я просто до сих пор нахожусь в своём иллюзорном пузыре и думаю, что в условиях войны важна позиция и нужно говорить не только на отвлеченные от неё темы.

Д.Б.: В этой связи у меня вопрос, насколько, по-вашему, вообще правильно держаться за то, что ты из России, за то, что ты как-то связан с этой страной? Может, стоит начать отстраивать новую, европейскую идентичность, особенно, когда у тебя растёт маленький ребенок, для которого Россия уже не будет ничего значить?

Е.А.: Я думаю, это решение каждого отдельного человека. Возможно, для кого-то это хороший вариант, сказать, «ну всё, закрыли эту тему, я больше не хочу чувствовать чувство вины и неловкость, когда меня спрашивают where are you from?». Но для меня попытка сменить идентичность – это попытка снять себя ответственность.

Д.Б.: Какие у вас дальнейшие планы, перспективы?

Е.А.: Когда мы размышляли, что нам делать и где жить, я сказала Илье, что у меня только одно условие – это должно быть место, где я смогу пилить мрамор. И благодаря моей подруге, с которой мы вместе учились работать с камнем, такое место нашлось в Германии.

И.М.: В итоге мы оба поступили в Университет искусства и дизайна в Оффенбахе-на-Майне (Hochschule für Gestaltung Offenbach am Main), я в бакалавриат, Лена в магистратуру. С октября начинаем там учиться.

Е.А.: Вообще в планах не перестать быть художниками, продолжать работать и говорить о войне, потому что потом, когда война закончится поражением России, рано или поздно нужно будет восстанавливать культурные мосты с остальным миром. Мне кажется, что работы художников, писателей, музыкантов, которые сегодня делают антивоенные проекты, важный строительный материал для этого. Уж точно эти мосты не будут строиться на основе тех проектов, которые сейчас проходят в государственных музеях или в условном ГЭС-2.

Вообще меня сильно разочаровало, что большое количество моих знакомых художников как ни в чем не бывало и сейчас участвуют в карнавале ярмарок типа Cosmoscw. Есть художники, которые уехали из России из-за войны, а теперь возвращаются в Москву, – специально, чтоб привезти работы, сделанные в эмиграции, на ярмарку. Я отказываюсь это понимать. Очевидно, что в России есть

большое количество людей, которые зарабатывают на войне, и, так как они не могут, как раньше, тратить эти деньги за границей, теперь они скупают искусство на ярмарках. И я не верю, что мои коллеги не задумываются о том, в чьих домах будут висеть их работы.

У меня также нет больше иллюзий, что антивоенное искусство может кого-то убедить или что-то изменить. Оно нужно для нас самих, как толчок продолжать говорить с другими, не давать войне становиться нормой.